

Рамзан САМАТОВ

АМУРСКИЙ СОКОЛ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
С17

Серия «Новый исторический роман»

Иллюстрация на обложке *Сергея Курганова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Саматов, Рамзан

С17 Амурский сокол: роман / Рамзан Саматов. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2024. — 352 с. — (Новый исторический роман).

ISBN 978-5-17-162400-2

Говорят, если хочешь насмешить Бога, расскажи Ему о своих планах. Молодой амурец Сергей Лысенко планировал после окончания гимназии перебраться в Харбин, где его ждала светлая, обеспеченная жизнь у крёстного отца. Но судьба внесла свои коррективы... Началась война, и Российская империя перестала существовать. Благовещенск под угрозой оккупации японцами, поэтому нужен человек, который вывезет из города золотой запас Дальнего Востока. Выбор пал на Сергея. Он не по годам дерзкий, волевой, к тому же хорошо подготовлен физически. Но справится ли юноша со столь серьёзным и опасным заданием?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-162400-2
© Рамзан Саматов, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Мирная жизнь в приграничном Благовещенске закончилась пятнадцатого июля тысяча девятисотого года, в семь часов жаркого вечера, когда с китайского берега Амура прогремел пушечный выстрел. Затем такой же второй, третий, четвёртый...

Обстрел производили «Отряды гармонии и справедливости». Так себя называли китайские повстанцы ихэтуани, решившие в конце уходящего девятнадцатого века положить конец засилью иностранцев и их вмешательству во внутренние дела своей страны. Особенно болезненно воспринимало такое положение дел население северных провинций Китая. Из-за строительства железных дорог, развития почтовой службы и наплыва чужих товаров многие остались без работы. Источник пропитания потеряли носильщики, лодочники, посыльные, тысячи людей, занятых извозом. Более того, согласно проекту, Маньчжурская железная дорога должна была пройти по полям, кладбищам и землям, где стояли дома местных жителей, и тем самым окончательно обездолить обнищавшее население*.

В обстановке всеобщего недовольства появились стихийные группы восставших, нарекавшие себя по-

* Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД; до 1917 года — Маньчжурская дорога, с августа 1945 года — Китайская Чанчуньская железная дорога, с 1953-го — Харбинская железная дорога) — железнодорожная магистраль, проходившая по территории Маньчжурии и соединявшая Читу с Владивостоком и Порт-Артуром.

разному: то «Союз больших мечей», то «Союз справедливых», то «Кулак во имя справедливости и согласия». Наиболее многочисленными стали «Отряды справедливости и гармонии» — «Ихэтуань». Бойцы отрядов совершенствовали физические навыки в единоборствах, напоминающих европейский бокс, и поэтому их называли «туань» — «кулаками», а ещё — «боксёрами». Само же восстание вошло в историю под названием «Боксёрское»*.

Когда ихэтуани внезапно обрушили на Благовещенск шквал огня, многие не поддались панике, нашлись добровольцы, решившие вместе с войсками гарнизона держать оборону. Большая часть жителей вынужденно укрылась в домах. Среди них была и тридцатилетняя прачка губернатора Грибского — Евдокия Павлова, в девичестве Лысенко. Она находилась в интересном положении, забеременев от губернаторского сына.

Роды начались на исходе второй недели массированного обстрела. Отчаянные стоны роженицы заглушали звуки взрывов. А когда ребёнок Евдокии — весьма крупный мальчик — возвестил о своём появлении на свет громким криком, с противоположного берега Амура был выпущен снаряд, который, преодолев семьсот двадцать шесть метров, упал прямым в двор дома Грибского.

Евдокия, обескровленная тяжёлыми родами, едва нашла в себе силы взглянуть на новорождённого, затем перекрестила его, поцеловала в лоб и протянула китайской повитухе заранее приготовленную записку с мужским именем.

*Боксёрское восстание — восстание ихэтуаней (буквально — «отряды гармонии и справедливости») против иностранного вмешательства в экономику, внутреннюю политику и религиозную жизнь Китая в 1898–1901 годах.

— Ликин, дорогая, ради нашего Бога, береги Серёженьку... Ох-х-х... Ох-х-х... — простонала Евдокия, тяжело и часто дыша. — Я уже не жилица на этом свете... Отнеси в церковь, окрести его.

Тут во дворе прогремел очередной взрыв, и Ликин, маленькая изящная китаянка в русском сарафане, вжала голову в плечи. Дом содрогнулся от взрывной волны, а на улице послышались истошные женские крики: «А-а-а-а... Убили! Господи! Убили!»

Ликин подскочила к окну, перекрестилась — она была христианской веры — и, встав на цыпочки, попыталась рассмотреть происходящее во дворе. Но маленькое мутное окошко полуподвального помещения, где проживала прачка Дуся, не позволило ей ничего увидеть. Вернувшись к постели роженицы, Ликин взяла руку Евдокии в свои маленькие и узкие ладошки.

— Сто ты говоришь, Дзуся?! Наса Бозенька не позволит дзицё оспацца без мамы. Надзо молицца, Дзуся!

Она достала из корзины плачущего малыша и положила рядом с матерью.

— Дзай грудзь, Дзуся! Пускай мальсика попробуец мацеринское молоко... О Бозе!

Ликин снова перекрестилась, заметив, что «Дзуся» уже не дышит.

Заново уложив малыша в корзину, она метнулась к столу за кружкой. Аккуратно высвободила груди из одежды усоншей, нацедила молока, отметив про себя: «На первое время хватит». Затем скрутила чистую тряпочку и, смочив в грудном молоке, сунула притихшему ребёнку в рот. Тот довольно зачмокал.

Ликин обернулась к красному углу, истово перекрестилась три раза, затем сняла один образок и поцеловала. Осторожно подошла к Дусе, сложила её руки на животе, приладила к ним образ Богородицы. Немного подумала о своём, помолилась и, кинув взгляд на корзину с ребёнком, вышла во двор.

Там рядом с убитым кучером копошились дворовые. Оказалось, вместо того чтобы вместе со всеми спрятаться от обстрела, Пётр решил остаться около своих лошадей. Вот и получил в висок осколком снаряда.

Ликин сразу заметила в скоплении людей конюха Никодима — высокого дородного мужика, неимоверно сильного, судя по бугрящимся мышцами рукам и ногам.

— Никодзи-и-им! — тонко крикнула она.

Тот обернулся.

— Подзь сюдза!

Ликин довольно сносно говорила по-русски и вообще любила всё русское, даже одежду. Только неистребимый акцент да раскосые глаза выдавали в ней китайянку.

Никодим нехотя оторвался от оживлённого разговора и, по своему обыкновению, медленно двинулся по направлению к ней.

— Чего тебе, Ликин? — пробасил Никодим степенно.

Он относился к китайянке с особенной теплотой. Немалую роль в этом играла искренность, с которой она приняла православную веру.

— Никодзи-им! — сказала Ликин взволнованным шёпотом, округляя, насколько это было возможно, раскосые глаза. — Дзуса умерла!

Никодим снял шапку, перекрестился и, задумчиво почесав затылок, спросил:

— Как это?! Я же с утра её видел во дворе. Здоровая была. Ну, разве што пузатая...

— Воц! Пузацая была. Цеперь нец. Родзила мальчика. А сама умерла. Надзо похорониць её по-христианки, Никодзим! Бацюшку позваць.

— Ну да, ну да... — Никодим опять почесал затылок. — Вместе с Петром и отпоют...

В это время из открытой двери донёсся плач ребёнка, и Ликин, по-бабьи ойкнув, убежала в подвал.

Никодим посмотрел ей вслед, надел шапку, затем снял, перекрестился и, снова надев, зашагал в сторону

хозяйского дома — доложить. Помимо обязанностей простого конюха он ведал всеми хозяйскими делами на подворье губернаторского дома: медлительность сочелась в нём с расторопностью и способностью работать без усталости.

Губернатор Благовещенска в это время принимал начальника полиции города. Тот сообщал, что участились погромы в китайских кварталах в связи с провокациями ихэтуаней.

— Есть случаи грабежей и убийств, — услышал Никодим обрывок разговора, переступив порог кабинета.

— Что тебе надобно? — спросил его генерал-лейтенант Грибский.

— Константин Николаевич, у нас во дворе двое Богу преставились. Надось распорядиться насчёт похорон.

— Ой, не до тебя сейчас, Никодим. Разберись сам. Видишь, что творится!.. А кто помер-то?

— Дык Петра снарядом убило, а Евдокия при родах померла.

— Да, жаль Петю, хороший был кучер. А которая Евдокия?.. Это та, что с сыном моим путалась? Ребёнок-то жив?

— Жив...

— Ну ступай, ступай! Сам разберёшься, что делать... Губернатор вернулся к прерванному разговору:

— Так вот, господин полковник, силами полиции и заинтересованными людьми из числа добровольцев организуйте выселение из города всех китайцев. Это директива господина военного министра Куропаткина.

— Слушаюсь, ваше высокопревосходительство! — сказал полицейский чин, щёлкнув каблуками.

— И вот ещё что... — Губернатор, приобняв за плечи полицейского полковника, подвёл к окну и стал что-то нашёптывать, касаясь уха собеседника пышными, почти белыми бакенбардами.

Тем временем вокруг Никодима снова собралась толпа. Он коротко распорядился о достойном погребении усопших, после чего поспешил к Ликин.

Китайка сидела в комнате, баюкая малыша. Тот мирно спал, пуская пузыри, — судя по всему, хорошо накормленный.

«Вот кому нет никаких забот — знай себе кушай да спи», — подумал Никодим.

Он подошёл ближе и, отодвинув могучим пальцем край тряпки, взглянул на новорождённого.

— Чисто наш губернатор, — пробасил Никодим. — Похож! Разве что бакенбардов не хватает. Жаль только, не признают они его...

— И не надзо! Я заберу себе! Воц цолько бы кормилицу найци... Ничего, у кицайсев много розаюц! Найдзу!

— Ты это... Ликин... Не ходи на улицу. Я слышал, полиция облавы устраивает в вашем квартале. Выселять будут. Оставайся здесь.

— Воц иссе! Я никого не боюся! А выселяца, так поедзу в Кицай. У меня цама браца зивец... Пойдзёма в церковь сходзима, Никодзим! Надзо Серёзу покресцица. Цы будзеса крёсцый оцаца.

Никодим удивлённо уставился на неё и затем, почесав затылок, сказал:

— Сергей, значит... Ясный сокол*. А ты будешь крёстная мать?

— Дза.

Полицейские силы благодаря помощи казаков и добровольцев собрали в первый день более трёх тысяч китайцев и погнали их вдоль Амура, вверх по течению, в сторону посёлка Верхне-Благовещенска.

*Имя Сергей происходит от римского родового имени Сергий — «высокий», «высокочитимый», «почтенный», «ясный».

Жара в июле стояла невероятная. Пыль, поднимаемая тысячами ног, не давала дышать, и многие отставали. Щегольского вида пристав, скачущий из одного конца колонны переселенцев в другой, желая проявить усердие, приказал зарубить отставших. Среди них оказалась и маленькая китаянка с большой корзиной в руках.

То ли по Божьему промыслу, то ли по случайности конный казак ударил её по касательной, почти плашмя. А скорее всего, рука карателя дрогнула в момент удара от пронзительно-умоляющего взгляда тёмно-карих глаз. Он будто понял, что та просит не за себя — за ребёнка. Китаянка охнула и повалилась без чувств, накрыв своим телом корзину.

...В колонну переселенцев Ликин попала возле церкви. Когда они с Никодимом вышли оттуда, окрестив маленького Серёжу, их заметил тот самый щеголеватый пристав:

— Китаянка?! Взять!

Никодим не смог защитить подругу, несмотря на свою богатырскую силу. Ликин вырвали из рук мужчины и бросили в толпу несчастных изгнанников. Все попытки крёстного отца Серёжи объяснить, что она не такая китаянка, как все, что у неё ребёнок и она служит при дворе самого губернатора, не привели ни к чему, кроме пары ударов нагайкой.

Для Никодима эти удары были сродни комариным укусам. Он, не обращая внимания на наседающих казаков, высматривал в толпе Ликин, но не находил. Людское море безликих в своём горе китайцев уже поглотило свою соплеменницу.

Часть 1

ЯСНЫЙ СОКОЛ

Глава 1

НИКОДИМ

Никодим оставил лыжи, подбитые лосиной шкурой, у входа в избу и, отряхнув унты от снега еловым веником, открыл дверь. Вместе с ним в дом проник холодный воздух, и тут же морозный пар за клубился по полу, но, дойдя до пышущей жаром печки, сник и незаметно растворился. Спасовал перед мощью русской печи.

— Никодим! — раздался из запечья звонкий детский голос. — Ты вернулся?!

— Выходи, сынок! Не бойся, — отозвался Никодим. — Я тебе кедровых шишек принёс.

Из-за печи показалась белобрысая голова мальчика лет пяти. Никодим договорился с ним, что при появлении чужих людей в отсутствие хозяина тот прячется в укрытии, специально сделанном для такого случая. В избе, между печкой и бревенчатой стеной, был сооружён ещё один «домик» — из толстых досок, с дверцей, закрывающейся на щеколду. Никодим проверял — даже с его силищей невозможно было отодрать доски. Кроме того, внутри домика имелся люк, ведущий в подвал, — там можно было пережить даже пожар.

Для Серёженьки собственный домик был сущей радостью. Почти всё время он проводил там, мастеря себе для забавы игрушки, когда Никодим уходил на промысел. А уходил тот почти каждый день. На одно жа-

лованье помощника лесного смотрителя прожить ему вдвоём с крестником было никак невозможно. Хотелось поставить мальчика на ноги, да и на поиски Ликин тоже требовались средства. Вот и приходилось Никодиму ходить в лес на охоту: то белку, то куницу добудет, а если повезёт — соболя. Заодно он приглядывал за своим участком леса.

* * *

...После пропажи Ликин Никодим вернулся в губернаторский дом и, пользуясь своим особым положением при дворе Грибского, распорядился в конюшне насчёт лошади, чтобы отправиться в сторону Верхне-Благовещенска.

При приближении к посёлку его взгляду открылась ужасающая картина: множество зарубленных людей... Никодим насчитал больше тридцати и содрогнулся от неоправданной жестокости ретивых исполнителей губернаторского приказа.

Корзину он обнаружил неподалёку — под цветущим кустом вереска. Ребёнок был жив и невредим, более того, осмысленным, как показалось крёстному отцу, взглядом изучал веточку, качающуюся над его головой.

Никодим соскочил с лошади, подхватил корзину и стал высматривать Ликин — больше всего он боялся, что его кума тоже зарублена. Поэтому вздохнул с облегчением, когда не обнаружил её поблизости, ещё больше обнадёжился после часа бесплодных поисков в окрестных зарослях. Но, с другой стороны, Никодим понимал: если Ликин была вынуждена оставить корзину с младенцем, значит, случилось что-то непоправимое. Иначе сердобольная христианка не бросила бы Серёженьку.

Ребёнок будто почувствовал, что Никодим тревожится за него, — заворочался в корзине и захныкал.

— Сейчас, сейчас, сокол ясный... Доедем уже до посёлка.

В Верхне-Благовещенске Никодим первым делом направился к церкви. Местный батюшка вник в положение мужчины. Подсказал, какие из прихожанок недавно разрешились от бремени и кто из них не откажется накормить младенца.

— У Марьюшки доброе сердце. Иди к ней. Её дом по правой стороне, приметный. Сразу увидишь. С голубыми наличниками. Иди! Бог с вами!

— Благодарствую, батюшка!

Никодим взобрался на лошадь, священник подал ему корзину и сказал на прощанье:

— Богоугодное дело творишь, Никодим. Дай Бог силы тебе и дитятку выдержать это испытание.

Долго ещё стоял духовный пастырь у церкви, осеняя крестным знамением удаляющегося Никодима и читая «Отче наш».

Между тем дом, указанный батюшкой, оказался действительно приметным. И не только потому, что был раскрашен в яркие цвета, преимущественно голубой и белый, — рядом с ним стоял вороной жеребец, запряжённый в бричку; он заржал при виде лошади Никодима и даже сделал попытку приблизиться, но повод, привязанный за кольцо, прибитое к столбу резных ворот, едва позволил ему повернуть голову. Конь, недовольно фыркнув, стал бить копытом о землю.

— Ну, чем ты ещё недоволен, Уголёк? — Из ворот вышел смазливый молодой мужчина в картузе и цветастой косоворотке.

— Да это он при виде нас так... — пробасил Никодим, спешившись.

Он степенно подвёл свою лошадь к другому столбу, основательно привязал, крепко держа на сгибе локтя корзину с младенцем, затем повернулся в сторону церкви, перекрестился и спросил незнакомца, с любопытством его разглядывающего:

— Хм-м... Марья здесь проживает?

— Да, здесь, — сказал человек, с ухмылкой кивнув в сторону дома, и потёр алеющую щеку. — А ты кто будешь? Чего надобно от Марьи?

— А ты, стало быть, муж Марьи?

— Нет, какой я муж?! Нет у неё мужа. Был да сплыл.

Красавчик одёрнул рукава, расправил складки ко-соворотки, затянутой тонким чёрным кожаным поясом, потуже натянул картуз и сказал, подбоченясь:

— Меня зовут Василий, я приказчик купца Афана-сьева. Слышал про такого?

— Ну, тогда посторонись, приказчик! У меня дело к Марьюшке. А до твоего купца мне дела нет, тем более до тебя.

— Но, но, но! Как ты разговариваешь? Муж-жик! — воскликнул надменно приказчик и замахнулся плёт-кой.

Никодим молча схватил Василия за ухо и отодвинул в сторону. Тот заверещал, стал биться в руке, удержива-ющей его чуть ли не на весу.

— Ой, ай, ой! А-а-а! Пусти! Я пошутил!

Никодим отпустил наглеца, даже не взглянув на него, и открыл калитку. Деликатно постучал в дверь ко-стяшкой среднего пальца. На стук отозвался грудной женский голос:

— Василий?! Опять ты? Уходи! Иначе снова полу-чишь...

— Извиняйте, хозяйюшка. Это не Василий. Он ушёл.

— Ой! А кто там?.. Заходите!

Никодим, переступив порог, поклонился хозяйке.

— Здравствуйте, Марья!

— Здравствуйте... — сказала миловидная женщина лет двадцати пяти, обернувшись в сторону гостя. Она продолжила кормить грудью своё дитя, не чувствуя стыда перед посторонним мужчиной, — догадывалась, что нет ничего краше материнской любви к своему чаду.

Озабоченность не помешала Никодиму отметить, как личит* Марье умеренная полнота, характерная для только что родивших женщин. К тому же она была черноволоса, черноброва, с полными вишнёвыми губами — настоящая казачка. Лёгкая косинка в глазах ничуть не портила её, а лишь прибавляла очарования.

— Марья, я к вам с поклоном от батюшки и с просьбой...

— Благодарствую! А что за просьба?

В это время из корзины раздалось хныканье, грозящее перейти в залиvistый плач. Марья удивлённо встрепенулась. Никодим слегка приподнял корзину и сказал:

— Вот это и есть моя просьба. Серёженька остался без матери. Очень есть хочет. Голодный уже полдня...

— Так давайте его мне. Не знаю, куда молоко девать. Моей Дарьюшке много, приходится сцеживать в крынку. Давайте...

Никодим поставил корзину на стул и в растерянности воззрился на плачущего Серёженьку. Заметив его нерешительность, Марья уложила Дарью в люльку и сама подошла, обнаружив довольно высокий рост — почти до плеча Никодима.

— Вот что, папаша, — сказала Марья строго, взглянув на ребёнка. — Вы совсем за ним не смотрели, что ли?! Он же мокрый. Неужто не чувствуете запаха?!

— Дык, это...

— Вот что, папаша, — повторила Марья, перейдя на «ты». — Иди, погуляй пока. Мы тут сами разберёмся.

Никодим, смущённо кланяясь, попятился, спиной открыл дверь и, только выйдя во двор, облегчённо вздохнул полной грудью.

Тем временем Марья принялась за хлопоты: обмыла дитячко тёплой водой, выкинула застиранные тряп-

*Личить (*устар.*) — подходить, красить, быть к лицу.

ки и, завернув в чистые пелёнки, дала грудь. Мальчик с жадностью припал к соску и довольно зачмокал.

— Кушай, кушай, соколик! — сказала Марья, бросив взгляд на свою дочурку. Словно хотела заверить малышку в том, что приبلудный мальчишка и вообще никто и никогда не займёт в её материнском сердце слишком много места.

Покормив мальчика, женщина переложила его к дочери — места в люльке было достаточно. Покачала немного — оба заснули коротким сном грудничков: через полчаса проснутся и снова станут требовать молока. Воспользовавшись свободной минутой, Марья подошла к зеркалу, чтобы прихорошиться и заправить выбившиеся пряди волос под платок.

Когда она вышла во двор, Никодим топориком, найденным в чулане, прилаживал сорванную петлю к скобоченной двери сарая. Он быстро успел окинуть хозяйственным взглядом двор и по ряду признаков обнаружить явное отсутствие мужчины в доме.

— Бог в помощь! — сказала женщина. — Благодарствуйте!

Никодим закончил работу, отнёс топорик на место и подошёл к Марье.

— Вот... смотрю, петля сорвана... Решил приладить.

— Ещё раз благодарствуйте! Моего Мишеньку прошлой осенью медведь задрал. Некому смотреть за хозяйством. Он приказчиком работал у купца Афанасьева. Хозяйство-то ладное оставил, а сам даже дочь не увидел — без него родилась.

— А Василий, значит, после него стал приказчиком?

— Вы уже знаете? Да, после него... Частенько заходит, чёрт смазливый. Думает, если стал приказчиком вместо Мишеньки, так и на меня права имеет. Сегодня даже приставать вздумал. Так я его огрела кулаком в скулу — у меня не забалуешь...